

Григорий Горяченков

КАТЫНЬ

СПЕКУЛЯЦИИ НА ТРАГЕДИИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
о расстреле немецкими оккупантами
польских офицеров под Смоленском

Литео

Григорий Горяченков

Катынь: спекуляции на трагедии

«Написано пером»

2016

УДК 82-3
ББК 84-44

Горяченков Г. П.

Катынь: спекуляции на трагедии / Г. П. Горяченков —
«Написано пером», 2016

ISBN 978-5-00071-651-9

В документальной повести «Катынь: спекуляции на трагедии» рассказывается о гибели польских офицеров – заключённых трех специальных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР в Смоленской области, расстрелянных немецкими оккупантами осенью 1941 года. В книге разоблачаются инсинуации антисоветски и русофобски настроенных авторов об обстоятельствах трагической смерти поляков.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-00071-651-9

© Горяченков Г. П., 2016
© Написано пером, 2016

Содержание

Особенности братской памяти	6
Немецкие повара и польские официанты	11
Два опровержения Москвы	19
Сто свидетелей академика Бурденко...	20
... и семь свидетелей доктора Геббельса	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Григорий Горяченков

Катынь: спекуляции на трагедии

© Горяченков Г. П., 2016

© ООО «Литео», 2016

* * *

*Позор да падет на головы тех, кто прибегает к таким приемам
клеветнической пропаганды. Провокаторам не удастся опорочить
великую миролюбивую державу, мою Родину.*

Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский

Особенности братской памяти

Удивительно избирательна историческая память у поляков – наших недавних соседей, союзников и, можно сказать, родственников – все-таки, говорят, несколько тысяч лет тому назад наши пращуры в одной пещере обретались. Вот очень хорошо помнят о первом разделе Польши, а о том, как захватили во второй половине X века древнерусские города – Перемышль, Червень и другие, которые пришлось в 981 году князю Владимиру отбирать у завидующих братьев, похоже, запаматовали напрочь. Понятно, и о втором разделе помнят, а о том, как их Болеслав сначала печенегов натравил на Русь, а потом и сам разграбил в 1017 году Киев, ничегошеньки в их памяти не сохранилось. О третьем, кажется, с пеленок запоминают. Но совершенно не в состоянии вспомнить, что восточные земли Польши, отошедшие к России, – это земли русских княжеств, захваченные их предками. А исконно польская территория отошла к России, кстати, по решению Венского конгресса, на котором победители-союзники наказали агрессора – Францию, а вместе с нею – герцогство Варшавское, воинство которого в 1812 году приняло участие в нашествии на Россию.

Мало кто из поляков помнит и о том, какие беды интервенция их прадедов в начале XVII века принесла России. У нас никто и никогда не подсчитывал, на сколько десятилетий поляки задержали экономическое развитие нашей родины. А в каких рублях или злотых можно измерить страдания русских детей, русских женщин, русских стариков, на которые их обрекла неумная корысть польской шляхты и столь же неумное желание Ватикана прибрать к своим рукам Русскую православную церковь, ввести в России католичество?

Историческая память поляков не держит не только дела давно минувших лет, но и многие события лет сравнительно недавних. О том, как Сталин и Гитлер «поделили» несчастную Польшу, говорят с таким знанием, будто сами и делили. А о решительном отказе в середине 30-х годов чванливых и злобных антисоветчиков-русофобов, стоявших во главе Польши, подписать так называемый Восточный пакт, абсолютно ничего не помнят. Между тем он был направлен на предотвращение новой мировой войны, так как предусматривал, что Германия, Советский Союз, Польша, Чехословакия, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония взаимно гарантируют нерушимость границ договаривающихся стран, а Франция – западной границы Германии. Все страны, кроме двух, высказались за подписание договора. Идея Восточного пакта очень не понравилась Гитлеру. Что вполне понятно. Но против заключения пакта выступили и польские правители.

Польский министр иностранных дел полковник Ю. Бек в беседе с представителем английского правительства А. Иденом, сторонником заключения пакта, заявил, что он неприемлем для Польши. Пакт-де ставит ее перед неизвестностью: кто знает, улучшатся или ухудшатся после его заключения отношения Польши с ее соседями. Только неизвестное будущее – пустая да и неумная отговорка. Причины у гордых панов были куда более «весомые». Заключение пакта «было бы признанием слабости по отношению к Москве», заявил в беседе с французской журналисткой Женевьевой Табуи польский посол в Германии граф Липский. Этот аристократический недоумок был убежден, что «германская экспансия пойдет в другом направлении, и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши».

Не помнят недавние союзники и о том, что даже после аннулирования немецким правительством германо-польского пакта о ненападении, их правители упорно твердили, что Польша «не нуждается и не примет военной помощи от СССР». Категорический же отказ Польши пропустить через свою территорию советские войска в случае нападения Германии на Францию или Англию делал просто бессмысленным заключение Советским Союзом с ними договора о взаимопомощи. Сейчас, когда говорят о тех, чья политика способ-

ствовала развязыванию Второй мировой войны, обычно вспоминают руководителей Англии и Франции. А политически монолитный, в отличие, например, от английского, правящий класс Польши остается в стороне. Как же можно кидать камни в жертву нацистской агрессии! Это совершенно несправедливо! А ведь правители Польши, а вместе с ними и значительная часть поляков, которая их безоговорочно поддерживала, несут историческую ответственность за самую тяжелую трагедию мировой цивилизации – Вторую мировую войну.

Неискренне, лицемерно вела себя правящая верхушка Польши и в годы Второй мировой войны, а если принять во внимание то, что свои решения она принимала во время тяжелых испытаний не только для советского народа, но и для большинства поляков, ее поведение являлось омерзительно подлым. Общеизвестно, что через несколько недель после начала боевых действий на советско-германском фронте, 30 июля 1941 года, были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Польшей. Столь же широко известно и о визите 30 ноября в Москву премьер-министра польского эмигрантского правительства генерала В. Сикорского. (Я прошу читателей обратить внимание на эту дату.) А 4 декабря 1941 года была подписана Декларация правительства Советского Союза и правительства Польской республики о дружбе и взаимной помощи. Второй пункт документа гласил: «Осуществляя договор, заключенный 30 июля 1941 г., оба правительства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а войска Польской республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками». В тот же день генерал В. Сикорский выступил по московскому радио. И так проникновенно говорил, что, может быть, у некоторых его слушателей даже выступили слезы умиления: «В дни, когда оба народа очутились перед лицом смерти, грозящей им со стороны одного и того же врага, польские солдаты будут героически сражаться вместе с вами за освобождение своей родины... братство оружия, возникающее впервые в истории, будет иметь переломное значение для будущего обоих государств и народов, как основа не похожих на прошлое отношений».

Какие чудесные слова! И действительно польские солдаты сражались с советскими солдатами рука об руку. Правда, те солдаты, которых имел в виду В. Сикорский, и которые подчинялись ему как главнокомандующему, свои руки советским солдатам не протянули, польская правящая верхушка предпочла им другие. Сформированная в Советском Союзе польская армия под командованием генерала В. Андерса была выведена за пределы Советского государства. Этот факт так же известен любому человеку, имеющему мало-мальское представление о советско-польских отношениях. Менее известно, что генерал В. Сикорский и его окружение и не предполагали использовать свою армию на советско-германском фронте. Об этом свидетельствуют многие факты. Хотя бы такой. 20 сентября генерал В. Андерс в Бузулуке проводит совещание со своими подчиненными. Они приходят к выводу, что, во-первых: «Москва может быть занята немцами со дня на день»... в-четвертых: «Следует уже сейчас направлять людей в Ташкент и далее на юг». Ну, югом у них назывался Иран. Там тоже были советские войска, но поляки никак не могли «героически сражаться вместе» с ними за освобождение их родины по причине отсутствия в Иране немецких войск. К тому же польские политики в Лондоне очень рассчитывали, что и в Иране полякам не придется протягивать советским людям свои руки хотя бы для простого рукопожатия. Паны вообще не хотели воевать, ни на Востоке, ни на Западе. У них на армию были свои виды. Они полагали, что наличие собственной армии придаст им больше веса в послевоенной перекройке карты Европы. По их расчетам к Польше должны были отойти как западные районы Советского Союза, так и восточные районы Германии. Не дуры губы были у панов... В промозглом Лондоне наивные надежды панов, вероятно, согревали их души. Кстати, некоторые польские деятели не постеснялись потом объяснить вывод войск из СССР давлением Советского правительства.

Так как особых дел в Лондоне у правителей Польши не было, то они занимались преимущественно планированием своей политики. Что же они там планировали? Исходных точек у них было две... Первая учитывала, что Советский Союз может потерпеть поражение в войне. В этом случае строить свою политику паны намеревались с учетом победы в войне Англии и США. Но летом 1941 года до вступления США в войну было еще несколько месяцев, поэтому польские генералы без армии в те дни пристально рассматривали, что происходит на восточном театре войны. И хотя Красная Армия отступала на восток, паны уже видели, как она приближается к границам Польши, и думали о том, что им следует предпринять в случае успешного продвижения советских войск на Запад. И в этих их планах, скажу без околичностей, вся их подлая сущность. В одном из приказов польского генерального штаба прямо говорилось, что вступление в результате боевых действий Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии «должно, как акт враждебный, встретить вооруженное сопротивление с нашей стороны». И далее польские стратеги в мундирах излагают план действий: «1. Наиболее ожесточенное сопротивление следует оказать на линии советско-польской границы 1939 года.

2. Важно, чтобы в районах Вильнюса и Львова сопротивление оказывалось как можно дольше, даже в условиях окружения».

Поразительно, но этих «стратегов», опьяненных сладкими мечтами о Великой Польше, не отрезвил само собой напрашивающийся вопрос: если не Красная Армия, то кто же будет воевать с немецкой армией на территории самой Польши? Кто освободит их родину от оккупантов? Неужто полагали, что мощную немецкую армию, пусть и потрепанную в боях с Красной Армией, могут разбить вооруженные легким стрелковым оружием остатки разгромленной в сентябре польской армий? Удивительно, но факт: паны в Лондоне действительно рассчитывали на Армию Крайову, в состав которой вошли бывшие солдаты и офицеры польской армии.

Генштабисты не занимались самостоятельностью, свою «стратегию» они строили с учетом взглядов на советско-польские отношения своего шефа – генерала В. Сикорского. 28 ноября 1941 года, то есть буквально накануне поездки в Москву, за неделю до своей проникновенной речи о братстве по оружию генерал издал инструкцию о необходимости... вооруженного сопротивления Красной Армии, когда она вступит в западные районы Украины и Белоруссии. Это означало, что немецкие войска получили бы совершенно не предусмотренную командованием Красной Армии поддержку Армии Крайовой. Это не удар в спину, но и неожиданный удар в грудь может оказаться опасным. Нанести удар по войскам Красной Армии и собирался В. Сикорский, обещавший советскому руководству и советскому народу «героически сражаться вместе с ним». Если это не подлость, то что тогда подлость? Отменил В. Сикорский свое указание лишь 8 марта 1942 года. Что, совесть проснулась? Как бы не так! Просто генерал понял, что «любые действия против русских не найдут понимания на Западе».

А сегодня их потомки, их духовные наследники, вместо того, чтобы покаяться за преступление своих прадедов и дедов перед человечеством, делают вид, будто не знают, что именно отказ Польши от сотрудничества с СССР привел к срыву антигерманского союза Англии, Франции и СССР, к заключению нашей страной с Германией «Пакта о ненападении», к вступлению Красной Армии на территорию Польши после бегства польского правительства в Румынию. Делают вид, что ничего не знают об антисоветских, антироссийских, постольку, поскольку СССР для них был Россией, замыслах, решениях и поступках своих правителей в годы Второй мировой войны.

Зато требуют покаяния от нас, сынов и внуков освободителей Польши от немецкой оккупации, спасителей миллионов поляков от физического уничтожения. Ну, как же! Гитлер со Сталиным, то есть Германия с Советским Союзом сговорились поделить несчастную

Польшу между собою! И сейчас без устали твердят, что СССР «оккупировал», вариант – «аннексировал», восточные территории Польши, так они из-за капризов своей памяти называют воссоединение с Украиной и Белоруссией их западных областей. И совсем не помнят, какие усилия приложили советские руководители, лично И. Сталин, чтобы добиться согласия англичан, У Черчилля на передачу Польше восточных земель Германии.

Словом, очень много весьма важных исторических событий не задержалось в памяти родственников. Так, они совершенно «забыли», но на самом деле помнят о том, что с февраля 1919 года по октябрь 1920 года взяли в плен – это по данным III отдела Верховного Командования Войска Польского – 206 877 красноармейцев, из которых в лагерях потом насчитали 157 000 человек. 50 тысяч красноармейцев погибло при перевозке их в лагерь. Трагичной оказалась судьба красноармейцев в лагерях. Сохранилось немало описаний положения военнопленных красноармейцев в Польше. Они свидетельствуют: такими издевательствами над гражданами Советской России, такой ненавистью к ним не отличался даже персонал в лагерях для военнопленных нацистской Германии. Неудивительно, что 60 тысяч красноармейцев погибли уже через год. Трагичной оказалась судьба почти всех красноармейцев, оказавшихся в польском плену.

Однако при этом превосходно помнят то, чего и вообще не было. Так, поляки уже более 60 лет обвиняют Советский Союз, его руководителей в убийстве весной 1940 года в Катынском лесу под Смоленском около четырех с половиной тысяч польских офицеров. Правда, сколько на самом деле в Катынском лесу лежит поляков, неизвестно: никто точно не подсчитывал. Геббельс, например, утверждал, что в Катынском лесу захоронено 12 тысяч поляков. По подсчетам комиссии Н. Бурденко, разумеется, приблизительным, там лежит 11 тысяч тел. Но сами поляки предпочитают утверждать, что число жертв НКВД в Катыни не превышает четырех с половиной тысяч. Чем же им «не нравятся» 11 или 12 тысяч? Ведь чем ужаснее цифры убитых Советами поляков, тем эффективнее можно вести антисоветскую, антирусскую кампанию. Как ни странно, но можно и без всяких кавычек сказать, что действительно именно эти цифры обличителям советских злодеяний не нравятся, они им... путают карты в антисоветской, антироссийской игре. Поляки утверждают, что их офицеров расстреливали и в других местах: в районах Харькова и Калинина. Так вот, если сложить количество якобы расстрелянных там поляков с количеством захороненных в Катынском лесу, то получится, что НКВД расстрелял офицеров на несколько тысяч больше, чем их было интернировано в 1939 году.

Анализ обвинений в расстреле поляков в Харькове и Калинине выходит за рамки этих заметок. Поэтому скажу лишь, что ретивые российские следователи и журналисты никаких доказательств расстрела поляков в Харькове вообще не нашли. Что же касается расстрела офицеров в Калининской тюрьме, приведу только одно «доказательство». Бывший начальник областного управления НКВД Д. Токарев признался (ему было в это время почти 90 лет) следователям в том, что он в какой-то камере тюрьмы, находившейся под одной крышей с областным УВД в центре города, организовал расстрел шести тысяч человек, по 200–250 поляков за ночь. Убитых поляков захоронили в могилах, вырытых экскаватором у села Медное. В такую чушь без огромного желания можно поверить? Однако кто-то и верит.

Но так как для антисоветчиков и русофобов чем больше убитых, тем лучше: советская власть, социалистическое общество, Россия будут выглядеть пострашнее, – то несколько лет назад они «вбросили» в средства массовой информации другую цифру. Теперь поляки заявляют, что от рук советских спецслужб погибло 22 тысячи человек, кроме военнослужащих – еще и гражданские лица... До чего же неумны наши «родственники»!..

Впрочем, в грязной антисоветской кампании принимали и принимают участие, и весьма активное, граждане СССР, России, в том числе и русские по национальности. Для них Катынь – крупная карта в пропагандистской войне против Советской власти, идей ком-

мунизма, да и против России. А раз так, то почему же не воспользоваться варевом, изготовленным на кухне доктора Геббельса: ведь шеф нацистской пропаганды, как известно, знал толк в антисоветских делах.

Немецкие повара и польские официанты

13 апреля 1943 года некий польский писатель по фамилии Гетль (знали немцы, кому доверять) сделал по радио сенсационное заявление: недалеко от Смоленска, в лесу, обнаружены могилы расстрелянных русскими польских офицеров. А 17 апреля «возмущенные зверством комиссаров и евреев» немцы обратились со специальной нотой в Международный Красный Крест. Создатели газовых камер и крематориев потребовали расследовать «советские злодеяния». В поведение немцев не было ничего странного, оно представляется даже вполне естественным: им необходимо было отвлечь внимание мира от собственных злодеяний, о которых к этому времени стало известно достаточно много, и попытаться вбить если не клин, то хотя бы клинышек в отношения участников антигитлеровской коалиции.

Но просто бросается в глаза: день в день с германским правительством в Международный Красный Крест с аналогичной просьбой обратилось из Лондона польское правительство. Оно-то о чьих интересах радело? Ну, предположим, зная о трагической судьбе пленных красноармейцев в Польше, польские министры допускали, что в Советском Союзе не стали церемониться с их пленными офицерами. Однако неужто у них не было других форм выражения своего беспокойства о судьбе соотечественников? Если принять во внимание, что министры-эмигранты не сомневались в том, что именно они будут возглавлять послевоенную Польшу, то вполне могли бы и отложить публичное выяснение отношений с Советским Союзом до победы над общим врагом.

Ратели польские деятели о своих антисоветских интересах, это понятно. Но все-таки в международной практике не принято было столь откровенно пакостить союзникам. Это-то паны без сомнения понимали. Так почему же решились поддержать фашистов? Такой из ряда вон выходящий в союзнических отношениях поступок одной лишь давней неприязнью к России объяснить невозможно. А дело в том, что правящая верхушка Польши не рассматривала СССР в качестве своего союзника. Это представляется совершенно невозможным – однако это так! И это не умозрительный вывод историков, основанный на анализе польской политики в те годы. Этому невероятному факту есть прямые доказательства.

На подписание 30 июля 1941 года советско-польского пакта, что предложило сделать Советское правительство, поляки пошли под давлением англичан. Выкаблучивались, выпендривались паны до тех пор, пока А. Иден, английский министр иностранных дел, на них не цыкнул: «Хотите, господа, или не хотите, а договор должен быть подписан». Пришлось подписывать. Но политическая и военная необходимость показать врагу советско-польское единство даже после получения взбучки дошла не до всех панов. Три гордых пана, числившихся в министрах, ушли в отставку. А некий господин Рачкевич, считавшийся президентом Польши, отказался ратифицировать договор. Ну, этому уже по-военному кратко объяснил сам генерал: а и не подписывай, твоя подпись не больно и нужна. Поделikatнее, конечно. Но для самого В. Сикорского подписанный из-под английской палки договор и Декларация о дружбе и взаимной помощи, подписанная им в Москве, не имели обязательной силы. Об этом он прямо написал в инструкции, направленной руководству Армии Крайовой: «Заключенные с ними (имеются ввиду «Советы» – **авт.**) политические и военные соглашения привели, формально, к дружественным, союзническим отношениям между двумя государствами». Формально, и только! Не считало польское правительство Советский Союз своим действующим союзником, поэтому и с его интересами не считало себя обязанным считаться. Вот потому и солидаризировалось с германским правительством. Ларчики, как известно, иногда открываются очень просто...

(Кстати, в антисоветскую кампанию немедленно включились и средства массовой информации наших союзников – США и Англии. Так, например, газета «Манчестер гар-

диан» 1 мая 1943 года осудила возмущение Советского правительства действиями поляков: ведь «польское правительство намеревалось улучшить, а не ухудшить польско-советские отношения». Читателям внушалась незатейливая мысль: если Советскому правительству нечего скрывать, то оно должно послать своих представителей для участия в работе Международной комиссии на оккупированную врагом территорию. Сытый голодного не понимал... Или делал вид?..)

На Тегеранской конференции Ф. Рузвельт и У Черчилль попытались побудить И. Сталина восстановить отношения с польским правительством, не дав при этом оценки действиям последнего против СССР. Тогда оценку дал им И. Сталин: «Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз... Какие у нас могут быть гарантии в том, что эмигрантское польское правительство в Лондоне снова не сделает то же самое? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций.» (Я хочу позволить себе здесь отступление личного и совсем нелирического свойства: через несколько месяцев после окончания войны мой дядя, двадцатилетний младший сержант Красной Армии, возвращался в Союз. На какой-то польской станции он вышел из вагона прогуляться и был ранен в ногу поляком, ногу дяде отняли... – **авт.**)

На махинации, как показало время, польские правители оказались большими мастерами. Пытаясь утвердить свою власть в Варшаве до вступления в нее войск Красной Армии, лондонское правительство дало указание командованию Армии Крайовой поднять в столице восстание. Столь важное решение военного характера было принято без предварительной договоренности с Советским правительством, Верховным командованием Красной Армии, войска которой в июле 1944 года, хотя и находились на правом берегу Вислы, не были готовы к немедленному форсированию водной преграды. В 150 тысяч жизней варшавян обошлась политическая авантюра жаждавших власти антисоветчиков. Но все эти десятилетия и в Польше и на Западе находится много желающих возложить ответственность за гибель повстанцев на Советский Союз. Да, наловчились наши братья валить с больной головы на здоровую...

То обстоятельство, что польские политики подхватили, к тому же весьма оперативно, измышления немцев, в какой-то мере укрепило их пропагандистские позиции, но, естественно, не избавило от необходимости подготовиться к проверке захоронения представителями «международной комиссии». И надо отдать гитлеровцам должное: они многое сделали для того, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что их собственное преступление – дело рук большевиков, что оно совершено в 1940 году, то есть до начала оккупации советской территории. Многое, да ведь шила в мешке не спрячешь...

Тогда, весной 1943 года, немцы публично заявили, что на могилы поляков им якобы указал местный житель. Проверив его показания, 18 февраля чины местной немецкой полевой полиции сообщили об обнаруженных могилах, как говорится, по инстанции. И вроде бы сразу же поступил приказ начать их раскопки.

Однако еще в марте 1942 года – и этот факт никто не оспаривает – на могилы наткнулись поляки, служившие в немецкой армии. (Были и такие. Их сегодня пытаются представить всего лишь жертвами незаконной мобилизации, проведенной немцами. И было их не так уж и мало: только к нам в плен попало 60 тысяч человек. А воевало на советско-германском фронте не менее 100 тысяч польских солдат и офицеров. К сожалению, и об этой страничке из польской истории в Советском Союзе упоминать было не принято.) О своей находке они сообщили командованию. Однако немцы к ней не проявили никакого интереса.

Почему? Да, скорее всего, тогда «наверху» еще никто не считал, что есть необходимость использовать расстрел поляков в своих интересах.

А был ли русский «доброхот», который сообщил о «чудовищном преступлении Советов» не в те дни, когда все враги Советской власти упивались немецкими победами, а после того, как германская армия потерпела жесточайшее поражение под Сталинградом? Странный информатор, неправда ли? Когда за свою информацию мог получить от немцев какую-нибудь награду, молчал, а когда появилась необходимость задуматься о том, что за сотрудничество с оккупантами придется отвечать, пошел в гестапо. Автор книги «Катынь» Ю. Мацкевич даже воспроизводит текст беседы с ним.

Разговор, якобы, состоялся в те дни, когда «Нюренбергскому трибуналу предстояло заняться катынским преступлением». Однако тогда Ю. Мацкевич не только никак не помог недавним союзникам обвинить (а желание такое у них было) Советский Союз в смерти поляков. Но даже и позже утверждал, что и «сейчас (это в разгар холодной войны – **авт.**), когда я это пишу, я не могу сказать, где и при каких обстоятельствах я встретился с Иваном Кривозерцевым». Обстановка, де, в Европе не та, объясняет причины такой таинственности автор. Да ведь И. Кривозерцев то ли повесился, то ли его убили, то ли своей смертью умер в Лондоне вскоре после войны, так какой же покойнику можно принести вред?

Покойнику нельзя, но некоторый урон антисоветской кампании можно. Обстоятельства смерти И. Кривозерцева окружены таким же туманом, каким пан Мацкевич окружает свою встречу с ним. В некоторых публикациях говорится, что польская военная разведка сделала запрос английскому правительству о судьбе И. Кривозерцева и получила ответ, что он повесился в Лондоне в 1947 году. Мне трудно себе представить, чтобы руководство подразделения одного из польских ведомств (скорее всего, военная разведка – это управление в министерстве обороны Польши) могло обратиться к правительству иностранного государства с какой-либо просьбой, тем более интересоваться у него судьбой гражданина третьего государства.

Так что «разъяснения» английского правительства, вероятно, – чьи-то домыслы. Но остается фактом, что немецкий прислужник вскоре после войны исчез. Ю. Мацкевич мог знать, где живет, чем занимается или когда и при каких обстоятельствах умер И. Кривозерцев, а мог и ничего не знать. И судя по тому, как он описывает свою встречу с Кривозерцевым, он о его местонахождении в 1946 году не имел точных сведений, а, возможно, вообще не имел никакого представления о послевоенной судьбе гестаповского свидетеля. В этих случаях указывать время встречи, ее место было бы очень опрометчиво. Напиши, например, Ю. Мацкевич, что он встречался с Ю. Кривозерцевым в Гамбурге 20 июня 1946 года, а кто-то, прочитав о таком, скажет, что он сам лично весь июнь 1946 года пил с этим И. Кривозерцевым пиво в Ливерпуле, или, того похлеще, выписывал свидетельство о его смерти в декабре 1945 года. Пришлось бы тогда пану Мацкевичу объяснять, каким образом ему удалось встретиться с покойником? Это было бы потруднее, чем вытащить из болота бегемота. Вот автор «Катыни» и почел за благо умолчать о важных деталях. Такое предположение допустимо? Мне кажется, вполне.

И. Кривозерцев – действительно катынский житель. Он упоминается и в изданных Германским информационным бюро по заказу германского МИДа «Официальных материалах по делу массового катынского убийства», и в Сообщении Комиссии Н. Бурденко. На той тайной встрече, о которой Ю. Мацкевич и спустя десятилетия ничего сказать не мог, И. Кривозерцев, по уверению автора, объяснил ему, почему до февраля 1943 года он молчал, и почему пошел к немцам в начале февраля. Оказывается, он все время немецкой оккупации «даже не вспоминал о жутком убийстве польских офицеров». А «с начала 1943 года немецкий террор смягчился. В Смоленске появились немецкие газеты на русском языке». И как-то в одной из газет И. Кривозерцев прочитал, что «в Советском Союзе создается польская армия, но гене-

рал Сикорский не может отыскать своих офицеров». Тут И. Кривоцерцев сразу вспомнил о расстрелянных поляках и «пошел в канцелярию немецкой тайной полиции». А кому же еще он мог объяснить, где польскому генералу следует искать своих офицеров?!

В этой простенькой истории есть, как и во всех «доказательствах» советской вины за расстрел поляков, нестыковочки. К февралю 1943 года польская армия в СССР была уже сформирована – укомплектована, обута, одета, вооружена. И еще за полгода до того, как И. Кривоцерцев вдруг «вспомнил» о могилах поляков, выведена ее командованием в Иран, в котором поляки намеревались задержаться надолго, рассчитывая с помощью англичан сменить находившиеся там советские войска. Убежден, если бы сейчас удалось собрать все февральские номера всех газет, которые немцы выпускали на оккупированных территориях, мы не нашли бы в них никакой информации о сетованиях польского генерала. Гитлеровцы все-таки выпускали газеты, а не ежегодные альманахи. А главное, не были геббельсовские пропагандисты такими идиотами, чтобы рассказывать советским гражданам о том, что в тылу их государства создаются, пусть с осложнениями, новые силы сопротивления немцам!

А утверждение И. Кривоцерцева о том, что о расстреле поляков весной 1940 года ему напомнила заметка в газете, которую оккупанты стали выпускать в начале 1943 года, – это уже прямая ложь. Выпуск газет на захваченных территориях немцы начинали, скорее всего, тогда, когда приходили к выводу, что обстановка на оккупированной ими территории достаточно стабилизировалась, то есть задолго до своего поражения в Сталинграде. Смоленск не был исключением из этого правила. В распоряжение Специальной Комиссии была предоставлена газета «Новый путь», которую немцы выпускали в Смоленске. Членов комиссии она заинтересовала публикацией обращения к населению лейтенанта полевой полиции Фосса с призывом дать за вознаграждение «данные про массовое убийство большевиками» польских офицеров и священников. Нам же эта газета интересна номером. Полицейский призыв был опубликован 6 мая 1943 года в газете под № 35(157). Даже люди, не имеющие никакого представления о том, как «делаются» газеты и журналы, знают, что первые цифры – это порядковый номер издания за текущий год, а цифры в скобках – это общее количество номеров газеты или журнала, вышедших в свет. Периодичность фашистской газетенки по этим цифрам установить затруднительно, похоже, она выходила два раза в неделю. Но ясно, что, по крайней мере, со второй половины 1942 года немцы свой «Новый путь» уже издавали. Так что кто-то из этих двух разоблачителей большевистских злодеяний, то ли И. Кривоцерцев, то ли пан Ю. Мацкевич, как всегда и как и все клеветники, лжет. «Номер» со случайным, под влиянием прочтения заметки в новой газете, просветлением памяти у И. Кривоцерцева, как видим, не проходит. Между тем, показания лжеца И. Кривоцерцева занимают важное место в «доказательствах» всех, начиная со времен И. Геббельса, клеветников.

Кстати сказать, утверждения пана Ю. Мацкевича об обнаружении немцами могил совершенно не совпадает с версией, предложенной первоначально самими гитлеровцами. В одной из директив Геббельса обстоятельства обнаружения могил излагаются так: «...случайно обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался о том, что там, по-видимому, лежат горы трупов...» До чего проникательным был этот безымянный обер-лейтенант! Летом и осенью 1941 года никто из немцев, проходивших службу в нескольких десятках метрах от места расстрела, ни о чем не догадался. И весной, а затем и летом 1942 года смекалистых среди них тоже не нашлось. А зимой 1943 года, когда могилы были замetyны снегом, нашелся провидец. Как же это он сквозь снег могилы-то увидел? Да по двум крестам, сообщается в директиве министра пропаганды, поставленным теми самыми поляками, что в 1942 году обнаружили могилы. Что же получается? А то, что полицейский аноним «догадался о горах трупов» крайне своевременно, а поляки пришли к немцам со своим «открытием», когда оно им в качестве заготовки для пропагандистской кухни еще не требовалось. И, конечно, лопаются версия, согласно которой на могилы им указал И. Кривоцерцев.

С версиями у подчиненных министра пропаганды вышел явный перебор и потому концы с концами никак не сходятся.

Несомненно, гитлеровское руководство, как сейчас модно говорить, раскручивать «по-деловому» тему «катынского расстрела» весной 1943 года подтолкнуло сокрушительное поражение немецких войск под Сталинградом. В работу включился сам Геббельс. Как известно, он был большим любителем давать всевозможные указания, рекомендации, советы. Он давал их даже обожаемому фюреру. А уж оставить без внимания подготовку столь важной для фашистов провокации, как обвинение Советского государства в собственном преступлении, без личных указаний он, конечно, никак не мог. К сожалению для всех антисоветчиков, эти указания сохранились. Впрочем, их это обстоятельство, кажется, совершенно не волнует. А, может, они просто делают такой вид при постыдной игре с фактами? Но уж вид, что документы им не известны, делают – это точно, демонстративно игнорируя их существование. Оставленный лично Геббельсом след в этой гнусной пропагандистской кампании можно не замечать только при большом-большом желании. Документы гитлеровского министерства просвещения и пропаганды сохранились. В советское время они находились в Центральном Государственном архиве СССР, да и сегодня, может быть, лежат на тех же полках. Однако инструкции Геббельса – «Директивы господина министра», данные им своим подчиненным в апреле 1943 года, – даже не надо искать в архиве. Их еще в конце 1990 года опубликовал «Военно-исторический журнал».

«Директивы...» писались с учетом того, что сотрудники министерства, привлеченные к пропагандистской акции, не должны знать правды, за исключением, тех, кто принимал участие в провокации, находясь непосредственно в Катыни. И хотя «Директивы...» нашпигованы фашистской риторикой, как салями салом, – это деловой документ, своего рода методические указания. Геббельс чрезвычайно обстоятельно разъясняет подчиненным, что они должны делать, как делать и почему должны поступать именно так, а не иначе, о чем можно, а о чем нежелательно и даже нельзя писать в газетах и говорить по радио. И так как, напомним, это деловой документ, предназначенный для своих, Геббельс в указаниях довольно откровенен, порою просто циничен: «По отношению к англичанам мы нахально скажем: «Не врите столько, Красный Крест уже на пути в Катынь». Действительно, так заявлять – нахальность: руководители Красного Креста 17 апреля, в день, когда министр пропаганды давал эти указания, еще не ответили Германии на ее предложение. Что совсем не мешало Геббельсу в той же самой «Директиве...» указывать: «...нужно сказать следующее: «Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды».

Шеф гитлеровской пропаганды посчитал необходимым обратить внимание сотрудников министерства: «... фюрер придает значение тому, чтобы еврейский вопрос был связан с Катынским делом». Это, разумеется, принципиальная установка. Но министр и о частных не забывает: «Вообще нам нужно чаще говорить о 17-18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом просили разрешить послать домой письмо и т. д., т. к. это действует особенно потрясающе». Может быть, и просили. Геббельсу это могло быть известно.

Особенно откровенен Геббельс на конференции (это что-то вроде совещания), состоявшейся 17 апреля. В отчете о ней сообщается: «...министр подчеркивает, что катынское дело приняло такой размах, которого он не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживаясь принципов, которые определены здесь на конференции, если бы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника...». Обращает на себя внимание его распоряжение: «Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать. Министр,

между прочим, считает, чтобы присутствовал кто-нибудь из круга министерской конференции, чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКБ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу».

Много вопросов вызывают только эти указания шефа гитлеровской пропаганды. Скажем, было бы вполне естественным требование Геббельса прикомандировать к Международной комиссии хорошо воспитанных и знающих иностранные языки офицеров. Но зачем для сопровождения специалистов по судебной медицине необходимо подбирать ловких людей с исключительной политической подготовкой? И какие такие вещи, которые не соответствовали «немецкой линии», могли увидеть иностранцы в могилах поляков? Как вообще что-то в могилах могло не соответствовать «линии», если люди в них захоронены за год с лишним до начала войны, то есть, если немцы не имели к ним ни малейшего отношения?

Ответы напрашиваются сами собой. Геббельс явно опасался, что при вскрытии могил члены Международной комиссии или каких-то делегаций, которые немцы планировали направлять в Катынь, обнаружат что-либо (а так и вышло – с пулями, с идентификацией тел), опровергающее их утверждение о расстреле поляков по приказу советских властей. Конечно, это не прямое, а лишь косвенное, но очень убедительное свидетельство виновности фашистов в расстреле поляков. Но все послевоенные пособники Геббельса – американские сенаторы, английские парламентарии, польские и советские, а ныне российские ученые мужи и дамы, все эти Горбачевы, ельцины, фалины, «демократические» журналисты и прочая антисоветская и русофобствующая публика – начисто игнорируют это доказательство преступления фашистов. Да что там косвенные свидетельства, они и более убедительные доказательства виновности немцев не признают! Их немало нашла Специальная Комиссия и о них речь, как и о других, пойдет ниже, а пока вернемся в 1943 год.

Руководство Международного Красного Креста предложило советскому правительству направить своих представителей в Катынь. Но оно решительно отвергло предложение о каких-либо контактах с оккупантами. После этого и МКК отказался послать в Катынь свою делегацию.

Немцы не растерялись и очень быстро создали собственную «международную комиссию». Антисоветчики обычно представляют ее весьма авторитетной комиссией, состоявшей из профессоров судебной медицины и криминологии европейских университетов, а также других представителей науки. Верно, но для полной ясности необходимо уточнить: все 12 её членов, кроме одного, были гражданами завоеванных государств или стран-сателлитов Германии, а во главе стоял в буквально смысле слова свой человек – проф. Г. Бутц, немец, гражданин Германии. Он же и написал потом заключение комиссии, которое ее члены подписали не в Катыни, не в Смоленске, а на каком-то военном аэродроме, на котором самолет с членами комиссии сделал промежуточную посадку по пути в Берлин.

Комиссия экспертов прибыла в Катынь по крайней мере через месяц после того, как немцы стали готовить могилы к осмотру их иностранными комиссиями и делегациями. Точная дата неизвестна, но в «Директиве господина министра от 6 апреля 1943 г.» говорится: «Там работает сейчас известный химик из Кенигсберга...» Как можно понять из текста «Директивы...», к этому времени часть могил была уже вскрыта. Так что время у гитлеровцев подготовиться к приему гостей было.

«Международная комиссия» находилась в Катыни с 28 по 30 апреля и за это время «исследовала все трупы (комиссия указывает точное количество – 982 трупа), которые были эксгумированы до ее прибытия». За два рабочих дня несколько судебных медиков провели

патологоанатомическое исследование почти тысячи трупов! Какой-то немыслимый профессиональный подвиг! Конечно, немыслимый. И его никто не совершал. Уже из следующей фразы отчета видно, что специалисты с европейскими именами к этим исследованиям имели, как говорится, весьма касательное отношение: «Их (трупов) патологоанатомическое исследование в большинстве случаев было выполнено доктором Бутцем и его сотрудниками». Любопытный, конечно, факт, но еще любопытнее заключение судебных медиков, подписанное не на основании обследования трупов – им всего-то девять тел показали, а на основе... Но я лучше процитирую заключение: «Из показаний свидетелей и судя по письмам, дневникам, газетам и т. д., найденным на трупах, следует, что расстрелы происходили в марте и апреле 1940 года». Профессора судебной медицины европейских университетов устанавливают время смерти не по состоянию трупов, а по обнаруженным на них бумажкам! Если бы куры в европейских странах умели читать, они передохли бы от смеха. Но куры не читают, а читавшие и читающие этот более чем странный документ европейцы, а вместе с ними обитатели других континентов находят вполне естественным столь противоестественный для судебно-медицинских экспертов способ установления времени смерти.

Создали немцы и еще одну комиссию, состоявшую исключительно из поляков, – Техническую комиссию Польского Красного Креста. О целях ее создания и условиях работы на совещании в министерстве пропаганды совершенно определенно высказался некий майор Бальцер. А Геббельс облек его предложения в форму собственной директивы. Идентификация тел, по мнению этого майора, должна быть проведена в пропагандистских целях, а для этого следует «привлечь членов польского Красного Креста под немецким контролем». Однако поначалу поддержавший предложение майора о необходимости идентификации тел, Геббельс через десять дней пошел на попятную: «Вообще работы по раскопке и идентификации должны по возможности проводиться по мере надобности только тогда, когда туда прибывает какая-нибудь комиссия». Что случилось? Да то, чего Геббельс и опасался. Стали обнаруживаться «вещи», которые не соответствовали немецкой линии. Выяснилось, например, что среди убитых не все офицеры, а некоторые офицеры – евреи по национальности. Это обстоятельство не укладывалось «в линию» о расстреле поляков по приказу евреев. Что, одни евреи расстреливали других? Разумеется, «при фанатичной жажде правды» Геббельсу не составляло большого труда найти подходящее объяснение. Тем не менее, такие несовпадения с «линией», вероятно, воспринимались министром, как совершенно нежелательные. Русскую пословицу «от греха подальше» он, скорее всего, не знал, но поступил вполне предусмотрительно.

Стоит ли сомневаться, что поляки в Катыни могли делать только то, что им позволяли немцы? Между тем, польский профессор Ч. Мадайчик, автор «Катынской драмы», ссылаясь на члена этой комиссии М. Водзиньского, ассистента Института судебной медицины в Кракове, ничуть не смущаясь, утверждает, что «деятельность группы проходила под наблюдением немцев, но она работала без ограничений».

У pana профессора, надо отметить, весьма своеобразное представление о том, что такое работа без ограничений. Что и подтверждает сохранившейся отчет о деятельности Технической комиссии, написанный сразу после окончания работ ее руководителем К. Скаржиньским. В нем, в частности, объясняется, чем занимались члены этой комиссии: «Рабочие разрезали все карманы, извлекая содержимое, вручая все найденные документы членам ПКК. Как документы, так и найденные предметы вкладывались в конверты, носящие очередную номер, причем тот же номер, выбитый на металлической пластинке, прикреплялся к трупу... Члены комиссии, занятые поисками документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать».

Из дальнейшего текста справки К. Скаржиньского следует, что членам Технической комиссии давали потом просматривать лишь паспорта, а «...дневники, воинские приказы,

некоторые письма и т. п. забирались германскими властями для перевода на немецкий язык. Все ли они были возвращены и вложены в соответствующие конверты, комиссия утверждать не может». Но сотрудники секретариата тайной полиции даже не позволили полякам вкладывать в эти конверты очищенные от грязи документы. «Эту операцию выполняли немцы», сообщает автор отчета... Своеобразное все-таки у pana профессора Ч. Мадайчика представление о том, что такое работать без ограничений...

Работавшие «без ограничений» члены Технической комиссии подтвердили обвинения геббельсовской пропаганды. Однако они были не первыми поляками, которых немцы привезли в Катынь. 10 апреля, то есть до объявления по радио об обнаружении могил, немцы доставили в Катынский лес неких докторов К. Ожеховского и Э. Гродзского, какого-то pana К. Пороховика и нескольких других панов. Зачем немцы привезли в Катынь этих панов, не совсем понятно. Может, они чем-то заслужили особое доверие фашистов? И после нужного немцам заявления, которое сделают паны, другим полякам, которых предполагалось привозить в Катынь, ничего другого не останется, как вторить соотечественникам? Как мы знаем, Геббельс допускал возможность отклонений от немецкой «линии» и требовал от подчиненных принять меры к тому, чтобы это не произошло. Панам дали возможность посмотреть могилы, показали документы, письма, дневники. После чего они и сделали то, что требовалось немцам: уверенно заявили, что убийство офицеров произошло не позднее апреля 1940 года.

Через неделю немцы привезли в Катынь еще одну группу поляков. Эти тоже сказали, что «массовое убийство могло быть совершено не позднее весны 1940 г.». Для нас это заявление интересно тем, что его сделали члены делегации, часть которых, как пишет Ю. Мацкевич, «осталась и приняла участие в работе по извлечению и опознанию трупов». Иными словами, какая-то часть членов Технической комиссии Польского Красного Креста в начале определила дату смерти соотечественников, а потом уже приняла участие в работе по извлечению их тел из могил для установления времени расстрела. То есть до патолого-анатомической экспертизы, проводимой, напомню, немецкими специалистами. Получается, что поляки, казалось бы, самые заинтересованные в объективности люди, по-существу без проверки согласились с утверждением гитлеровцев. Впрочем, если европейские светила не постеснялись сделать свои выводы, не проведя необходимых медицинских исследований, то чего же ждать от членов какой-то Технической комиссии?

Но у них или у тех работников Польского Красного Креста, которые выписывали свидетельства о смерти, все-таки хватило мужества на весьма смелый поступок. В выписанных свидетельствах они не проставили дату смерти. Это был пусть не в прямой форме, но явный отказ подтвердить утверждения немцев о расстреле поляков весной 1940 года.

Два опровержения Москвы

На немецкие обвинения Москва ответила незамедлительно. Назвав их «неуклюже составленной брехней», ТАСС заявил, что немцы «жульнически умалчивают о том, что именно близ деревни Гнездово находятся археологические раскопки...». Вероятно, люди, готовившие заявление ТАСС, не имели никакого представления о польских офицерах, а главное – совершенно не сознавали, насколько серьезны для СССР немецкие обвинения. Сейчас вряд ли возможно установить, кто да что сделал весной 1943 года не так, но нашу промашку немцы тут же использовали.

Только не следует думать, будто заявление ТАСС – полная чушь, что его безответственные авторы написали первое, что пришло им в голову. На ум-то им как раз пришло то, что только и могло прийти людям, пытавшимся в Москве понять, что могли раскопать немцы у станции Гнездово? Но, вероятно, полную информацию от консультировавших их специалистов они не получили.

Дело в том, что Гнездово – это не только железнодорожная станция и маленький поселок. Гнездово – это почти три тысячи курганов, это городище и селище, которые археологи датируют X – началом XI вв. В могилах обнаружено оружие, украшения, посуда, монеты. Именно здесь найдена знаменитая корчага с надписью – самое раннее свидетельство существования на Руси письменности. Так что археологические раскопки в сообщении ТАСС были упомянуты совсем неслучайно. Вот только тела умерших соплеменников древние обитатели городища сжигали...

И Геббельс «вознегодовал». На совещании в министерстве просвещения и пропаганды он «возмущался»: «За каких дураков считают эти нахальные еврейские болваны европейскую интеллигенцию!.. Они говорят об «археологических раскопках»! Посмотрите на снимки убитых польских офицеров в «Вохеншау». Может быть, московские евреи станут после этого утверждать, что мы одели в польскую форму 12 тысяч скелетов из времен 200 года до Христа!» Что говорить, ссылка на археологические раскопки, которые немцы якобы выдали за могилы поляков, оказалась хорошим поводом для издевательства над заявлением ТАСС.

После этих «обличений» Геббельса ТАСС выступил с сообщением, что в районе Смоленска действительно находились польские военнопленные, которые строили дороги, что эвакуировать поляков не удалось, их захватили немцы и расстреляли. Понятно, что подтвердить заявление ТАСС какими-либо доказательствами мы в то время не могли. Но едва представилась возможность, то есть сразу после освобождения этой территории от оккупантов, Советское правительство приступило к расследованию «Катынского дела». Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников создала под руководством одного из своих членов – академика Н. Н. Бурденко – Специальную Комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

Сто свидетелей академика Бурденко...

В марте 2005 года в российских средствах массовой информации появились сообщения о недовольстве поляков решением Главной военной прокуратуры. Это после того, как папа римский самолично одобрил старания военных прокуроров! После того, как М. Горбачев, а вслед за ним и Б. Ельцин посыпали свои головушки пеплом! Чем же поляки теперь-то были недовольны? А тем, что ГВП России отказалась признать свою Родину виновной в геноциде польского народа.

По этому случаю в Центральном доме литераторов Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ совместно с журналами «Кольцо А» и «Знамя» собрал убитую горем группку людей. Закоперщиком на панихидке по несбывшимся планам поляков выступал интеллектуал по фамилии С. Филатов. Может, читатели помнят: был такой подручный у интеллектуала по фамилии Б. Ельцин. Был там и интеллектуал по фамилии В. Шейнис. Еще помните такого господина? Он горько сетовал и возмущался по поводу того, что из 183 томов уголовного дела, которые собрали военные прокуроры, 116 Главная военная прокуратура полякам предоставить отказалась: в них содержится государственная тайна. Какая такая тайна, спросил этот интеллектуал, и тут же пояснил: их засекретили, чтобы наказать поляков за отношение к украинской революции. Н-да, титан мысли, этот подержанный временем столп российской «демократии».

Однако вопрос-то он поставил очень важный: в самом деле, какая государственная тайна может быть в документах, связанных с деятельностью уже несуществующего государства? По-моему, засекретить уголовное дело против хотя и давно умерших, но своих политических врагов власть современной России могла – для нее это является и необходимостью – только в одном случае: если в нем содержатся свидетельства непричастности руководителей СССР к убийству поляков.

Среди других интеллектуалов в выступлениях отметилась литературовед и публицист и к тому же доктор филологических наук М. Чудакова. Дама, как можно судить по отчету в Интернете, для начала поведала своим единомышленникам о том, как она убедилась в том, что отчет комиссии Н. Бурденко – ложь. Произошло это еще во времена молодости будущего доктора наук. В те далекие годы М. Чудакова занималась русской литературой 30–40 годов и однажды, раскрыв газету с Сообщением Комиссии, сразу поняла: отчет этот – ложь. «Неестественно крупный текст (доктор филологических наук, видимо, имела в виду шрифт – авт.), его расположение на развороте и стилистика отчета» просто «кричали» ей об обмане. Вероятно, крик был в таких огромных децибелах, что навсегда отшиб у аспирантки способность понять, что столь важное сообщение не могло быть напечатано в подвале последней полосы, что стилистика отчета комиссии Н. Бурденко – это стилистика любого отчета, если он почти полностью состоит из описаний чего-либо, протоколов опросов свидетелей, документов. Увы, увь, увиденный в далекой молодости «неестественно крупный текст», да еще на развороте, да еще «со стилистикой» так необратимо повлиял на мыслительные возможности интеллектуалки, что она и по сей день даже не может сообразить: и самый громкий крик – совсем не основание обвинять в подлости людей. А люди-то в комиссии подобрались весьма уважаемые. Их фамилии указаны в начале Сообщения: кроме Н. Бурденко – писатель А. Толстой, митрополит Николай, Председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А. Гундоров, председатель Исполкома обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С. Колесников, нарком просвещения РСФСР академик В. Потемкин, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Е. Смирнов, председатель Смоленского облисполкома Р. Мельников. Далее в Сообщении приводятся фамилии судебно-медицинских экспертов, привлеченных Комиссией для участия в

своей работе: в их числе – крупные специалисты: главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Научно-исследовательского института судебной медицины В. Прозоровский, заведующий кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктор медицинских наук В. Смольянинов, главный патолог фронта профессор Д. Выропаев.

Ладно, пусть не та стилистика, не тем шрифтом набрали, не на том месте расположили. Но, как известно, не место красит или не красит. И в документах главное все-таки – их содержание. Что же в самом Сообщении Специальной Комиссии вызывает сомнения, недоверие? Да все, утверждают духовные наследники д-ра Геббельса. Я это «все» в их «исследованиях» встречал множество раз. Хотя бы сделали исключение для содержавшегося в Сообщении описания месторасположения могил, упоминаемых в нем фамилий свидетелей, найденных в могилах писем и вещей. Так нет! Все – ложь! И только. Анализа же подготовленного членами Комиссии документа, даже отдельных содержащихся в нем фактов «правдолюбцы» старательно избегают. И тут все понятно: опровергнуть факты невозможно, их можно только игнорировать, замалчивать. Этим продолжатели дела главного гитлеровского пропагандиста с усердием и промышляют.

Выше я упоминал, что работа по выяснению обстоятельств гибели поляков началась сразу после освобождения Смоленска от захватчиков. Достаточно ясные указания на этот счет содержатся в Сообщении. Но вот читаю у очередного геббельсовского наследника «размышления» о том, почему Комиссия приступила к работе лишь в январе 1944 года, он даже точную дату указывает: с 16 по 23 января. Да только потому, конечно, объясняет он, что советским властям требовалось время на уничтожение следов своего преступления. И вопросец подкидывает, ответ на который напрашивается лишь один: нет. А вопрос такой: можно ли за неделю выполнить тот объем работ, который проделала Специальная Комиссия, судя по ее Сообщению? Ведь одних свидетелей опросила более ста. Когда ж успела?

Откуда же взял этот ретивый обличитель злодеяний тоталитарного режима дату? С потолка? Нет. Из... Сообщения Комиссии Н. Бурденко. В нем можно прочесть, что «комиссия... в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела...». Эта фраза из включенного в Сообщение акта судебно-медицинской экспертизы, подписанного 24 января членами судебно-медицинской комиссии, которую возглавлял В. Прозоровский. Именно в эти дни комиссия «произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу...» Заключение экспертов имело решающее значение для доказательства того, что преступление совершено немцами, и, несомненно, именно поэтому члены Специальной Комиссии полностью включили «Акт судебно-медицинской экспертизы» в свое Сообщение. О начале же работы Специальной Комиссии в Сообщении говорится, что член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Бурденко, его сотрудники и судебно-медицинские эксперты прибыли в Смоленск 26 сентября 1943 года и «провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний». 26 сентября – это через сколько же дней или недель после изгнания оккупантов? На следующий день! Смоленск Красная Армия освободила 25 сентября 1943 года.

Чем занималась Комиссия? Об этом можно узнать из опубликованного Сообщения, стилистика которого так пагубно отразилась на интеллектуалке М. Чудаковой. В нем говорится: «По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями кото-

рых точно устанавливается время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами».

Свидетелей убийства поляков не нашлось, за исключением расстрела двух офицеров, хотя, строго говоря, и их казнь никто не видел. Но из показаний местных жителей, как из отдельных керамических плиточек создается мозаичное полотно, сложилась картина разыгравшейся в Катынском лесу трагедии. И она действительно кричала – о злодеянии гитлеровцев.

Прежде всего, члены Специальной Комиссии стали выяснять то, в чем, конечно, они лично не сомневались: а были ли поляки в 1941 году в Смоленской области? Оказалось, что польских офицеров даже в первые месяцы оккупации видели многие смоляне. В Сообщении упоминается несколько фамилий: староста деревни Борок В. Солдатенков, врач из Смоленска А. Колачев, священник А. Оглоблин, дорожный мастер Т. Сергеев, жительница Смоленска А. Московская, председатель колхоза дер. Борок А. Алексеев, водопроводный техник И. Куцев, священник В. Городецкий, дежурный по ст. Гнездово И. Савватеев... Крестьянин Н. Даниленков из колхоза «Красная Заря» показал, что в августе-сентябре 1941 года встречал поляков, работавших на шоссе группами по 15–20 человек.

Учительница начальной школы в дер. Зеньково М. Сашнева сообщила Комиссии, что в августе 1941 года она прятала у себя польского офицера. «...Поляк был в польской военной форме, – приводится в Сообщении выдержка из протокола ее опроса, – которую я сразу узнала, так как в течение 1940–1941 г.г. видела на шоссе военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры».

На следующий день поляк ушел. Перед прощанием он назвал свою фамилию, которую М. Сашнева записала в книге. Члены Комиссии попросили учительницу показать им эту книгу. Она ее представила: «Практические занятия по естествознанию», автор Ягодовский. На последней странице оказалась запись: «Лоек Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом № 25». Лейтенант Юзеф Лоек значится в составленных немцами списках, как расстрелянный большевиками весной 1940 года в Катынском лесу.

Нашлись свидетели облав, которые немцы устраивали осенью 1941 года на поляков, бежавших из лагерей. Бывший староста деревни Новые Батеки М. Захаров показал, что осенью 1941 года немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса. Уже упомянутый Н. Даниленков тоже рассказал о поиске немцами поляков: «У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина – кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Аналогичные показания дал свидетель Т. Фатьков, тоже колхозник: «Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе-сентябре 1941

года. После сентября 1941 г. облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Самые важные для выяснения обстоятельств гибели поляков показания дали жительницы д. Борок А. Алексеева, О. Михайлова и З. Конаховская. Староста деревни В. Солдатенков по приказу немецкого коменданта направил их для обслуживания личного состава немецкой части, расположившейся в Катынском лесу. Передвижение женщин по территории было ограничено: им запретили удаляться от дачи, ходить в лес, на работу и с работы они ходили по установленному немцами маршруту и только в сопровождении солдат. Даже по даче они не могли передвигаться без вызова и сопровождения немецких солдат. В Сообщении Специальной Комиссии приводятся довольно пространные выдержки из протоколов показаний А. Алексеевой и О. Михайловой. Вот что рассказала членам Комиссии А. Алексеева:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Грневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны.

...Переводчик Иоганн, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держаться за язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после их заезда на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу дополнительно прибывали солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно, к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же нас не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я

заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей – двух ефрейторов. Один был высокий, рыжий, другой – среднего роста, блондин.

Из этого всего я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину.

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню, а затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150–200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев. То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую форму, с характерными для них четырехугольными фуражками. Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у дороги, стала ждать. Примерно минут через 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы. Тогда мне все стало ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случаи, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по наряженной обстановке, которая царила в это время на даче... Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр непрерывно проверял посты по телефону...».

Показания О. Михайловой Специальной Комиссии отличаются от рассказа А. Алексеевой лишь деталями: «В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче. Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира.

Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и слышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел оберстлейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за

проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Гленевский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Конвоируемых немцами поляков, которых солдаты группами по 20–30 человек вели на «Козьи Горы», видели (и слышали в лесу выстрелы) и другие жители окрестных населенных пунктов. Такие показания дали крестьянин с хутора «Козьи Горы» П. Киселев, плотник станции Красный Бор в Катынском лесу М. Кривоцерцев, бывший начальник станции Гнездово С. Иванов, дежурный по той же станции И. Савватеев, председатель колхоза в деревне Борок А. Алексеев, священник Купринской церкви А. Оглоблин и другие. Вероятно, показания некоторых свидетелей вызывали у членов Комиссии какие-то сомнения, а, может быть, они просто стремились собрать побольше доказательств преступлений гитлеровцев. Как бы там ни было, но показания наиболее важных свидетелей, таких, как уже упоминавшиеся А. Алексеева, П. Киселев или заместитель бургомистра Смоленска Б. Базилевский, которые Комиссия имела возможность в какой-то мере проверить, она перепроверяла.

Оказался в распоряжении Комиссии и еще один свидетель, правда, безмолвный, но, тем не менее, красноречивый. Нашли его, скорее всего сотрудники НКВД или военной контрразведки, в здании городского управления Смоленска. Это 17 страничек из делового дневника бургомистра города Б. Меньшагина. Бывший адвокат, видимо, чтобы не запамятовать важные указания хозяев, записывал их в дневнике. Среди многих других записей есть несколько прямо относящихся к трагедии в Козьих горах: на странице 10, помеченной 15 августа 1941 года, – «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру», а на 15 странице (без даты) – «Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)». (Летом – осенью 1941 года Умнов служил у оккупантов начальником русской полиции. – Авт.). Надо добавить, что в Сообщении Комиссии не приводится еще множество показаний свидетелей (если не большинство): вероятно, ее члены сочли, что в официальном документе дополнительных свидетельств фашистских преступлений не требуется.

... и семь свидетелей доктора Геббельса

Специальная Комиссия опросила примерно сто свидетелей. Вряд ли стоит сомневаться в том, что, если бы она продолжила свою работу, показаний, свидетельствующих о преступлении гитлеровцев, оказалось бы значительно больше. Немцы утверждали, что у них тоже есть свидетели – очевидцы расстрела поляков весной 1940 года. Всего они назвали семь человек. Не много. Не помогли и обещания местному населению вознаградить свидетелей. Судя по докладной записке полицейского Фосса начальству, на призывы никто не откликнулся. Исключая, возможно, И. Кривозерцева – ему могла попасться на глаза листовка, а, может быть, он отправился в гестапо, когда по окрестным деревням пошли разговоры о том, что немцам нужны «свидетели» расстрела поляков. Допустим и третий вариант: в гестапо могли знать, а местные русские полицейские наверняка знали, что И. Кривозерцев – сын кулака, всеми фибрами своей душой ненавидевший Советскую власть, и когда ему немцы, так же, как и П. Киселеву, предложили стать «очевидцем», он без колебаний согласился.

Разумеется, члены Комиссии проявили желание встретиться с людьми, которые своими показаниями подкрепили заявление немцев. К сожалению, двое из семерых умерли до освобождения Смоленска Красной Армией, трое, включая И. Кривозерцева, «ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно», констатировала Комиссия. Двое оставшихся дали ей показания.

Парфен Киселев, 1870 года рождения, был для немцев самым ценным свидетелем, так как его хутор находился в тех же Козьих Горах, и, следовательно, его показания должны были вызывать наибольшее доверие. Он рассказал, что впервые его вызвали в гестапо еще осенью 1942 года. На допросе немецкий офицер через переводчика, показал П. Киселев членам Специальной Комиссии, «стал расспрашивать меня – давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня – какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место, и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.»

Немец повторил П. Киселеву, что поляков здесь расстреляли, а ему, Киселеву, это надо подтвердить. За показания гестаповец обещал П. Киселеву большое вознаграждение. Но он продолжал стоять на своем: ничего о расстрелах не знаю, да и быть их не могло в этой местности. Офицер же настаивал на том, чтобы П. Киселев дал нужные немцам показания. На этом они пока и расстались.

Рассказ П. Киселева – единственное указание на то, что местные гестаповцы проявили интерес к могилам осенью 1942 года. Почему он у них возник, почему угас, неизвестно. Вторично они вызвали П. Киселева в гестапо лишь в феврале 1943 года. В это же время гестаповцы стали требовать аналогичных показаний и от других жителей окрестных деревень. О втором вызове в гестапо П. Киселев показал:

«В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это

ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не буду. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишете, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

Понятно, что дело «на этом» закончиться не могло. В спектакле, который немцы собирались разыграть в Катынском лесу, они отводили П. Киселеву заметную роль. Он должен был встречаться с членами делегаций, которые немцы стали регулярно привозить в Катынь, и рассказывать им байку о расстреле чекистами польских офицеров. В начале весны П. Киселева первый раз повели в лес. По дороге переводчик предупредил его, что он должен в точности пересказать содержание подписанного им документа. Первыми слушателями оказались «польские делегаты», которые стали задавать П. Киселеву вопросы на русском языке. На свою беду П. Киселев за месяц забыл, что именно он подписывал в гестапо, стал путаться, и в конце концов, заявил, что ему о расстреле поляков ничего не известно.

«На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму», – рассказывал о своем опыте общения с гестаповцами П. Киселев Специальной Комиссии. – После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождающихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой. (Значительную потерю слуха и повреждение плеча подтвердило врачебно-медицинское обследование, проведенное, скорее всего, по поручению Специальной Комиссии. – Авт.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.